

УДК 323

***ТОПОНИМИКА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ***

Сорокин А. С.

студент,

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В данной статье рассматривается значение проводимой государством топонимической политики в рамках системы мер по формированию государственной идентичности. Именно последняя является одним из ключевых факторов по обеспечению легитимности власти, а кроме того, формирование государственной идентичности позволяет стабилизировать и обезопасить общество от различного рода потрясений, в том числе на почве этнодемографических проблем. Наряду с этим в работе продемонстрирована связь между активными топонимическими изменениями и кризисом идентичности, а также выявлены современные тенденции символической политики государства, среди которых особое внимание уделяется практикам городских и региональных переименований на примере посткоммунистических стран Восточной Европы и аналогичным процессам в России в 1990-х годах, а также в наше время в рамках публичных дискуссий в г. Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: топонимика, политика идентичности, топонимическая политика, символическая политика.

LOGROLLING IN THE MODERN LEGISLATIVE PROCESS

Sorokin A.S.

student,

Saint Petersburg State University,

Russia, Saint Petersburg

Annotation

This article discusses the meaning of toponymic policy of the state within the framework of the system of measures for the formation of states identity. The latter is one of the key factors to ensure the legitimacy of the government, and in addition, the formation of state identity allows to stabilize and protect society from various kinds of shocks, including on the basis of ethno-demographic problems. At the same time, the article demonstrates the relationship between active toponymic changes and the identity crisis, as well as modern trends in the symbolic policy of the state, among which special attention is paid to the practices of urban and regional renaming on the example of post-communist countries of Eastern Europe and similar processes in Russia in the 1990s, as well as in our time in the framework of public discussions in St. Petersburg.

Key words: toponymy, identity politics, toponymic policy, symbolic politics.

Политика по формированию государственной идентичности является во многом ключевым фактором стабильного и динамично развивающегося государства в современном мире. Это обусловлено тем, что проводимая в данном направлении политика непосредственно влияет на уровень доверия к власти, а значит она обуславливает ее легитимность и, кроме того, формирует общность видения будущего гражданина и государства. Наряду с этими аспектами, деятельность по формированию государственной идентичности позволяет

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

существенно снизить градус напряжения среди различных этнических и сепаратистски настроенных групп, а также увеличить степень лояльности к власти и государственным политическим институтам, что крайне важно для успешного функционирования всей политической системы любого общества.

Идентичность, будучи зависимой от условий ее конструирования, переменчива и подвижна в зависимости от общественно-политических процессов, происходящих в государстве. Это порождает необходимость государству постоянно реагировать на изменения политической ситуации и по возможности направлять протекающие процессы в нужном ему ключе. Исходя из данной задачи, реализация политики государственной идентичности, согласно О. И. Зазнаеву [3, с. 702], проводится в различных направлениях, однако в рамках рассматриваемой темы особый интерес вызывает разработка и реализация политической символики. Ей соответствует символическая политика, сущность которой заключается, по мнению В.А. Ачкасова, в «реинтерпретации прошлого и конструировании новых традиций или реконструкция старых» [1, с. 74], что позволяет также формировать образ нации для самой себя. Этот образ национальной идентичности способен, в свою очередь, определять принадлежность человека к нации как политическому сообществу и в такой же мере легитимизировать власть и государство как институты, проводящие политику государственной идентичности.

Символический уровень государственной политики также способен отражать противоречивые процессы формирования «символического пантеона» национальной исторической памяти: прежде всего, ключевых событий-символов, исторических личностей, культурных и географических объектов (так называемых «мест памяти»), призванных служить своеобразными социокультурными скрепами национальной идентичности. Тем самым они стимулируют консолидацию общества вокруг общепризнанных ценностей,

представляющих собой символы, выраженные в значительной мере в топонимических практиках.

Топонимика является важным и неотъемлемым элементом символического и историко-политического пространства, отражая идеологические аспекты коллективной памяти и подчеркивая, в частности, значимость коммеморативных топонимических ландшафтов как важнейших «мест памяти», претворяющих политический дискурс в повседневные практики граждан. Исходя из этого, представляется возможным рассматривать топонимические практики как действенный инструмент в политике идентичности, проводимой государством.

Особенно ярко данный аспект проявляется в кризисные периоды развития государства, когда, например, смена господствующего политического режима неизбежно влечет за собой борьбу с символами прошлого. М.Ю. Тимофеев в своем исследовании отмечает, что опыт стран Восточной Европы, где произошел разрыв с коммунистическим прошлым, показывает, что он часто сопровождался возвращением к символике предшествовавших социально-политических систем [5, с. 11]. Во всех бывших странах социалистического лагеря были в самом скором времени заменены подавляющее большинство официальных символов государства и уже в начале 1990-х годов практически все государства обрели новые символы. Схожая ситуация наблюдалась и в отношении немногочисленных топонимов с коммунистической тематикой, которые быстро исчезли с карт Европы. Часть из них обрели прежние названия (например, Карл-Маркс-Штадту в ГДР вернули историческое название Хемниц), другая же получила новые наименования (болгарский Михайловград стал именоваться Монтаной).

Тем самым довольно однозначно прослеживается ракурс политики идентичности, проводимой государством в сфере топонимики городов. Обретшим независимость от своего коммунистического покровителя странам

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

требовалось сформировать новую идентичность, гораздо более локального масштаба, но отвечающую интересам этнической национальности, проживающей на данной территории. В свою очередь власть, заинтересованная в своей легитимности, предоставила скорейшую возможность забыть еще недавно пропагандируемые прокоммунистические идентичности.

Еще более значимые топонимические изменения произошли в связи с падением коммунистического режима в России. Как отмечает В.В. Титов, всеобъемлющий социокультурный кризис национально-государственной идентичности, в полной мере проявившийся в 1990-е гг. и продолжающий по инерции в наше время, а также тот «ценностно-смысловой вакуум», сформировавшийся после распада политической системы СССР, остро обнажил не только вопросы, связанные с текущей самоидентификацией российских граждан, но и значительно трансформировал историческую память российского общества, спровоцировав кризис образа прошлого в сознании различных поколений [6, с. 76].

Данный кризис посткоммунистического времени спровоцировал массовую «десоветизацию» символического пространства России, продолжающуюся в локальном масштабе вплоть до наших дней. За сравнительно короткий промежуток времени меры по формированию новой идентичности выражались в топонимике преимущественно путем изменения названий географических объектов. Самыми заметными изменениями на политической карте страны служили переименования городов, названных в честь советских деятелей – Куйбышев-Самара, Свердловск-Екатеринбург, Ленинград-Санкт-Петербург и др. Кроме того, переименованиям подвергались также названия более мелких территориальных единиц - улиц, площадей и пр.

Как можно наблюдать из вышеупомянутых примеров, изменение названий географических объектов можно признать распространенной практикой в тех обществах, которые проходят стадию существенных социокультурных

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМ И Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

потрясений. Во многом это связано еще с тем, что топонимы можно крайне эффективно задействовать в формировании и донесении до населения различного рода политико-культурных повесток властного политического дискурса. Это, в свою очередь, влечет за собой внимание и контроль со стороны властных структур и институтов гражданского общества.

Один из ярких примеров такой публичной дискуссии, в рамках которой столкнулись интересы власти и граждан касательно топонимических преобразований, можно было наблюдать на примере Санкт-Петербурга. Переименование Ленинграда в Санкт-Петербург, произошедшее в 1991 г. на волне демократических реформ, стало одним из символов «десоветизации» российского общества. После этого события прокатилась целая волна так называемых «топонимических чисток», в результате которых на карту города были возвращены несколько десятков дореволюционных названий. После 1993 г., как отмечает Терентьев, активность городских властей в этом направлении снизилась, и в последующие 16 лет произошло лишь 29 переименований, а спустя 19 лет, в 2012 г., губернатор Георгий Полтавченко ввел мораторий на переименование топонимов в исторической части города в ближайшие годы, сославшись на результаты интернет-голосования горожан, показавшего отсутствие единого общественного мнения по вопросам переименования [4, с. 77].

Последний факт особо примечателен, поскольку мораторий был введен вследствие публичной дискуссии о переименовании 1-10 Советских улиц, которые до 1923 г. носили название 1-10 Рождественских улиц в честь храма Рождества Христова, который находился в этом районе. Заслуживающим внимания является тот факт, что в отношении 1-10 Советских улиц встает вопрос не только об оценке советского прошлого, но и о религиозных аспектах названий, которые предлагается вернуть. Сторонники переименования интерпретируют его как символический акт возврата к «светлым православным

ценностям, забытым в советское время», а их оппоненты — как «знак религиозной пропаганды, недопустимый в светском обществе, которым является современная Россия» [4, с. 82].

Данный пример позволяет нам судить о значительных проблемах, с которыми власть порой сталкивается во время реализации политики идентичности даже на муниципальном уровне. Своеобразным бегством от вопроса и временным замораживанием проблемы можно считать принятие моратория на изменения советских топонимов. Однако, так или иначе, это одна из действенных компромиссных мер, которые власть может предпринять, реализуя свою политику государственной идентичности, не вступая при этом в широкую полемику с населением, тем самым снизив риски, возможные в случае неудачного решения проблемы.

В целом же, по мере выхода государства из кризисной ситуации и все большей его демократизации, наблюдается уменьшение попыток топонимических изменений вплоть до локального уровня и вместе с тем, в случае возникновения таковых, происходит активное обсуждение в публичном дискурсе их целесообразности и предпочтительности того или иного варианта переименований. Последний фактор позволяет гражданам, в свою очередь, контролировать в некоторой мере проводимую символическую политику государства, вносить в нее свою повестку дня и стимулировать власть вносить либо оправданные и назревшие топонимические коррективы, либо же побуждать ее отказываться от них. Таким образом, топонимы в данном случае позиционируют себя как эффективные способы «публичной манифестации идентичности» [2, с. 153], чем одновременно склонны пользоваться как властные структуры для претворения в жизнь нужного им политического дискурса, так и институты гражданского общества в рамках отстаивания своих политических предпочтений и интересов.

Библиографический список:

1. Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. - 2013. - №4. - С. 71-77.
2. Галактионова Н.А. Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) // Регионоведение. - 2016. - №1 (94). - С. 152-163.
3. Инковская Ю.Н. Идентичность как элемент государственной политики брендинга территорий // Современные проблемы науки и образования. - 2013. - № 5. - С. 698-703.
4. Терентьев Е.А. Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // ЖССА. - 2015. - №2. - С. 72-86.
5. Тимофеев М.Ю. Без/з коммунизма: кризис идеологии в современной России (анализ семиотического дискурса) //Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. - 2012. - №. 1. - С. 4-18
6. Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. - М.: Ваш формат, 2017. - 184 с.

Оригинальность 88%